

Очевидно, что соответствующие изменения будут продолжаться. Однако наличие зримой альтернативной социокультурной идентичности, а именно условно «русской/европейской», которая не может быть однозначно принята и воспринята дагестанцами, будет обуславливать репрезентацию последними себя горцами, а через это придерживаться и определенных стереотипов, в том числе поведенческих. В свою очередь уменьшение доли русского населения в равнинной зоне Дагестана может способствовать консервации внешних атрибутов идентичности и характерных элементов стереотипов.

С.С. Ежменцев

**ТАДЖИКСКИЕ РАБОЧИЕ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ
В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ Г. БАРНАУЛА АЛТАЙСКОГО КРАЯ):
ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА И МИГРАНТОВ**

Выходцы из Центральной Азии, выполняющие тяжелую и низко квалифицированную работу — обычное явление российских мегаполисов. В общественном сознании большинства российских граждан формируется собирательное, чаще негативно-стереотипное, представление о народах бывших республик СССР, обладающих богатейшей историей и культурой. Проблема осложняется и тем, что этнокультурные различия в среде, гомогенность которой призван гарантировать ислам, занимают весьма существенное место в межнациональном диалоге всех уровней. В данном сообщении на основе наблюдения и интервьюирования рассматриваются этнические стереотипы в группе таджикских трудовых мигрантов и особенности восприятия этой группы жителями г. Барнаул Алтайского края.

Количественный и возрастной состав этой группы периодически меняется, постоянными же и объединяющими ее членов факторами выступают только этническая и географическая принадлежность респондентов. Это молодые люди до 35 лет, с разным образовательным и социальным статусом, объединенные стремлением достичь матери-

ального благополучия ради поддержки своих близких в Таджикистане. При всех индивидуальных различиях жизненного опыта и настроений всех респондентов объединяет глубоко укорененная *тюркофобия*. Таджики сознательно дистанцируются от более многочисленных турков, в среде которых доминируют узбеки. *Тюркофобия* на бытовом и культурно-психологическом уровне находит своеобразное подтверждение и в недружественных действиях властей Узбекистана. Они, по словам респондентов, прямая угроза таджикской государственности, а его президент И. Каримов — «новый Чингисхан», вынашивающий планы силового объединения Центральной Азии. В вину узбекским соседям вменяется и крайне недружественный таможенный и контрольно-пропускной режим на узбекско-таджикской границе, использование в аграрном секторе Узбекистана некачественных и дешевых ядохимикатов, благодаря которым узбекским производителям почти удалось вытеснить с российских рынков таджикские сельскохозяйственные товары. Столь агрессивные и необоснованные действия соседей обусловлены якобы самой природой узбекского (тюркского) этноса, а также особым характером взаимоотношений узбекской элиты с московским центром в годы советской власти; по их мнению, именно Москва взрастила нынешний узбекский национализм, ставший проводником пантюркизма в регионе, а узбекская элита способствовала разгрому басмаческого движения в обмен на исконно таджикские территории.

Категоричное неприятие всего тюркского базируется на сознательном культивировании псевдоарийской культуры; большинство респондентов видят образец исламского государства в Иране.

Изучение настроений маргинализованных представителей таджикской общины в России (в данном случае — Российском Алтае) показывает, что на рубеже XX–XXI вв. этнокультурные противоречия в центральноазиатском регионе и его северных рубежах, то есть в российском приграничье, стали потенциально дестабилизирующим фактором, который нельзя игнорировать, ибо речь уже идет о безопасности самой России. Решением проблемы могли бы стать взаимные трехсторонние консультации с участием российской стороны, посвященные урегулированию территориальных, миграционных и социально-культурных противоречий между культурно различными, но исторически и политически близкими народами и их диаспорами.